

УТОПИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Опубликовано в: Журнал «Евразийское сообщество», 2010, № 1

Бессилие перед реальным уводит в сферу идеального. Не берусь утверждать, что сие есть явная закономерность, но многократная историческая повторяемость здесь налицо.

Идеализация, а иногда и мифологизация экономики, политики, общественного сознания и даже науки происходит, как правило, в переломные, кризисные или кажущиеся таковыми моменты человеческой истории. Подтвердил это и нынешний «глобальный экономический кризис» (закавычиваю данное словосочетание, ибо не исключаю, что в будущем, с вершины исторического осмысления, переживаемые нами коллизии получат и иную оценку, и иное название).

Мифы кризисной растерянности: попытка классификации

В позапрошлом веке великий философ-позитивист и признанный отец классической социологии Огюст Конт сформулировал концепцию трех стадий человеческого мышления. Суть ее в том, что человечество от мифологического мышления основанного на вере в фикции, переходит к метафизическому мышлению, базирующемуся на умозрительных заключениях, а от него – к позитивному мышлению, рациональному в своей сущности и оперирующему фактами.

Конт оказался прав в классификации, но уязвим в построенной им исторической иерархии. Жизнь показала, что каждый новый тип мышления не только не отменял предыдущего, но и никогда не отдавал ему безусловного лидерства. В частности, мифологическое мышление вдруг атаковало насквозь проникнутые рационализмом науки и сферы практической деятельности с самой неожиданной стороны и в самые, казалось бы, неподходящие времена.

Стало общим местом сравнение нынешнего мирового кризиса с великой депрессией конца 20-х – первой половины 30-х гг. прошлого века. Я полагаю, что время для всеобъемлющего сравнения еще не пришло. Хотя бы потому, что тот кризис уже стал достоянием историков, а этот все еще толком не понят современниками. Тем не менее, кое-что уже можно сопоставлять в плане социальной, политической и научной рефлексии. Великая депрессия была временем научной собранности, давшей на выходе выдающиеся теории и эффективные рекомендации. Нынешний кризис стал временем научной растерянности, давшей на выходе истерические лозунги и бессмысленные пророчества.

Великая депрессия породила учение Кейнса и новый курс Рузвельта. Правда, одновременно, она способствовала победе нацистов в Германии, и, косвенно, второй мировой войне.

О политических последствиях нынешнего кризиса говорить сложно, хотя бы в силу исключительной сложности причинно-следственных связей. Концептуальную же и доктринальную продукцию кризисного научного, политического и публицистического мышления (границы между ними стали на редкость мало заметными) уже можно подвергнуть некоторой инвентаризации.

Все теоретико-идеологические реакции на переживаемый (пережитый - ?) глобальный кризис попытаемся классифицировать по их основополагающим концепциям, а именно:

- Утверждение, что нынешний кризис – не проявление обычного для рыночной экономики цикла, а кризис всей капиталистической системы и, даже, господствующей в современном мире цивилизации.
- Поиск «бескризисных» или «слабокризисных» стран, ареалов, национальных и региональных моделей и возведение их в ранг всеобщих образцов.
- Очередной, но отличающийся от всех предыдущих особым эмоциональным накалом, поиск «третьего пути».

Рассмотрим каждый из описанных посылов.

Еще одни несостоявшиеся похороны

Цивилизацию, которую сегодня хоронят с «антикризисными» проклятиями, называют по-разному: технотронная, секулярная, христианская, европейская, западно-европейская, европоцентристская, буржуазная, индустриальная, постиндустриальная, информационная, индивидуалистская, потребительская и т.д. и т.п. Ни одно из этих названий не может претендовать на полноту определения или, по крайней мере, на проникновение в суть явления. В данной статье мы ни в коей мере не будем пытаться восполнить этот пробел. Заметим лишь, что кто-то считает эту цивилизацию первой в истории, достигшей всеобщности, ставшей общемировой и общечеловеческой, кто-то полагает, что эта цивилизация справедливо выдвинулась в долговременные или даже вечные лидеры мирового исторического прогресса, кто-то уверен, что эта цивилизация несправедливым путем захватила власть над миром.

Как бы то ни было, но хоронили эту цивилизацию не раз. И Маркс, и Шпенглер, и Сорокин с разных сторон кидали землю в ее могилу. А могила оказывалась пустой.

Конечно же, любая цивилизация, как историческая веха, как социальная модель, как культурно-ценностная система, не бессмертна, как не вечна и сама наша планета. Однако история однозначно учит нас, что не надо торопиться с некрологами, не надо принимать экономические сбои и нравственные извращения за вселенские катаклизмы.

Единственный довод «похоронщиков» цивилизации, который представляется действительно резонным, это смена конфигурации центров силы и экономического лидерства. Группа БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), в особенности – Китай и Индия, резко увеличивают долю в мировом ВВП и усиливают свое влияние на мировую экономику и политику. Однако, во-первых, эти страны пока что не являются носителями альтернативных цивилизационных ценностей, а во-вторых, такая смена лидеров вряд ли может радовать сторонников «ценностных приоритетов». На сегодняшний день в цивилизационных лидерах находятся страны, которые, при всех обоснованных претензиях к их внешней политике, являются образцами высокого уровня и качества жизни, а главное – уважения гражданского и человеческого достоинства. Происходящая же смена центров силы и влияния означает, что уровень и качество жизни населения перестают быть критерием вхождения той или иной страны в число мировых лидеров.

И конечно же, нельзя не видеть процессов, действительно разрушающих существующий миропорядок. Это, прежде всего, вопиющее неравенство в развитии стран и регионов, перманентные политические катаклизмы, непрекращающиеся дезорганизация и безвластие в развивающихся странах, стиль жизни, формирующийся в развитых странах, обуславливающий старение наций и все более позднее вхождение молодежи в социально ответственную деятельность. Наконец, это возникновение и усиление феномена «антицивилизации», выражающегося в развитии международной террористической сети, которая не только имеет до сих пор не совсем ясную

политическую природу, но и противопоставляет себя ценностям, составляющим основу современного миропорядка.

Однако все это не означает, что крушение цивилизации надо рассматривать как «текущий момент» и, тем более, представлять нынешний экономический кризис «лебединой песней» современного мира.

Так что первая из выделенных нами концепций роли и последствий кризиса выглядит отнюдь не трагической, а скорее, трагикомической. В силу своей неуместной для экономического мышления и несовместимой с реальной ситуацией патетики. На ее фоне вторая концепция смотрится, как образец прагматизма, конкретности и понятности.

Очарование Дракона

Еще с конца 80-х годов прошлого века в Советском Союзе, а затем и в новых независимых государствах стало модным рассматривать «китайский путь», реформы Дэн Сяопина как позитивную альтернативу болезненной и разрушительной горбачевской перестройке и «дикому» постсоветскому капитализму. Однако, кто бы мог подумать, что всего лишь через несколько лет экономическая модель Китая вызовет восторг и зависть западного мира?

Впрочем, наше удивление исчезнет, если мы вспомним исторические аналогии. В годы великой депрессии виднейшие западные экономисты и политики искренне восхищались... Советским Союзом. И не без оснований. На Западе был жесточайший кризис, а в СССР – бешеный экономический рост.

«Китай перешел к рынку лучше, чем все!»... «Китай справился с кризисом лучше, чем все!»... «Китай провел Олимпиаду лучше, чем все!»... Разве недостаточно аргументов для того, чтобы счесть Китай ориентиром в мировом посткризисном развитии.

Проще всего отбросить последний аргумент. Экономика здесь не причем. Тоталитарные режимы - непревзойденные организаторы массовых мероприятий. Что же касается двух первых аргументов, то здесь вновь обратимся к историческим аналогиям. Беру на себя ответственность утверждать, что во второй половине XX – начале XXI века Китай воспроизводит в иной всемирно-исторической атмосфере, на более высоком экономико-технологическом уровне этапы «строительства социализма в СССР». Просто в силу исторической и ментальной специфики в Китае каждый период длится намного дольше.

50-е – 60-е гг. прошлого века в Китае, периоды «большого скачка» и «культурной революции», вполне сопоставимы по форме и содержанию с военным коммунизмом в молодой Советской России. Реформы Дэн Сяопина очень сильно напоминают НЭП. В их основе лежали те же механизмы – освобождение хозяйственной инициативы крестьянства и привлечение иностранных инвестиций. Правда, Китай в отличие от Советского Союза, патологически боявшегося «капиталистического окружения», сумел органически вписаться в это самое окружение и, за счет дешевой рабочей силы, занять в нем нишу мировой фабрики недорогих товаров.

Это, однако, не избавило Поднебесную от решения проблемы, остро ставшей перед СССР – проблемы модернизации. В Советском Союзе соответствующий этап называется индустриализацией. Как, с использованием каких инструментов и социальных механизмов пойдет этот неизбежный процесс в Китае?

Кто-то может, конечно, возразить, что Китай уже прошел значительную часть пути экономической и технологической модернизации, Китай быстро «схватывает» и воспроизводит чуть ли не все новейшие технологии. На это мы заметим: «не схватывает и воспроизводит», а копирует, причем, как правило, на более низком, суррогатном уровне.

Нам в пику последует еще одно возражение: Япония тоже копировала и при этом превратилась в экономического гиганта, стала образцом эффективного менеджмента и

инновационной активности. Опять же возразим. Во-первых, Япония, копируя, улучшала. Ничего подобного нельзя сказать о Китае. Во-вторых, знаменитый японский менеджмент, основанный на модели «фирма-семья», по почти единодушному мнению японских ученых, граничащему с официальной точкой зрения, в 80-90-е годы прошлого века проиграл американской модели внутрифирменной конкуренции. Он сегодня лишился, хотя об этом довольно мало говорят и пишут, своей «изюминки» в виде системы пожизненного найма. Сама же Япония первой познала в широком масштабе кризис «мыльного пузыря» и стала мировым чемпионом по продолжительности такого кризиса.

И уж совершенно не сравнимы достижения Китая второй половины XX – первого десятилетия XXI века с достижениями Советского Союза 20-60-х гг. прошлого столетия. СССР создал великую науку, по многим направлениям (пуская связанным с военно-промышленным комплексом) – самую передовую в мире. Ничего подобного нет в Китае.

Зато современный Китай – это клубок острейших социальных противоречий. Беспрецедентная социальная поляризация на фоне коммунистической идеологии, т.е. идеологии социального равенства, ужасающие безработица, коррупция, бедность, умело маскируемые для внешнего мира блеском мегаполисов. Вывод: в своем историческом движении Китай стоит не впереди, а позади большинства постсоветских государств. Впереди у него неизбежная перестройка. Насколько она будет организованной, планомерной и мирной, сказать трудно.

В Китае слишком много особенности, противоречий и несовместимостей, чтобы почитать его образцом антикризисных действий и посткризисного развития.

В плену дихотомии или политэкономическая алхимия

Алхимия столетиями господствовала в естественнонаучном знании и оказалась отнюдь не бесполезной. Пытаясь материализовать химеру – превратить какой ни будь из неблагородных металлов в золото, алхимики попутно сделали немало важных открытий. И все-таки сама по себе алхимия на веки вечные заклеимлена как лженаука. В связи с присущими ей базовой идеей и методом, порочными в своей основе.

Алхимия в общественности появилась в конце XVIII – начале XIX веков, выразившись в стремлении облагородить капитализм традиционным алхимическим методом – получая «благородную» сущность из «неблагородных» элементов.

С тех пор в капитализме произошли действительно фундаментальные изменения, до неузнаваемости преобразовавшие его облик. В нем были вскрыты могучие резервы развития, ставшие мощным и, на сегодняшний день, победоносным оружием в соревновании общественных систем. Однако, так же как из свинца не получилось золото, в капитализме не смогла реализоваться мечта о «золотом веке». Как, впрочем, и в социализме. Результат не получился, но метод остался.

Сразу же оговорюсь. Не будем путать «облагораживателей» капитализма с его разрушителями. Об историческом наследии последних – разговор особый. Что же касается первых, то они, ни в коем случае не хотели бы менять ни самой системы, ни своих элитных позиций в ней.

Нынешний кризис обернулся небывалым взрывом политэкономической алхимии. Не заставила себя ждать и философская база. Об этой философии нельзя сказать, что она «стара как мир», но ровесницей «капиталистического мира» она уж точно является.

Прудон и Дюринг, строившие модели «народного» и «благородного» капитализма в XIX веке, были наголову разбиты стоявшими на голову выше интеллектуально Марксом и Энгельсом.

В 60-е годы XX века капитализм, пораженный успехами первого в мире социалистического государства (космос, вооружение, фундаментальная наука, образование, здравоохранение) и, одновременно, видевший нарастающий кризис

тоталитарного планирования, доброжелательно предложил социализму теорию конвергенции. Тогда коммунистические идеологи в ужасе открестились от «происков классового врага». Через четверть века вожди перестройки вспомнили теорию конвергенции, обосновывая использование рыночных отношений как инструмента придания социализму «второго дыхания». Но в ведущих странах Запада в это время господствовал неоконсерватизм. Роман «двух систем», а, соответственно, и новый теоретико-идеологический продукт опять не получился.

Правда, в реальности капитализм действительно «социализировался». В развитых странах прочно утвердилась социальная, точнее – социально-ориентированная рыночная экономика. Причем в ее построение внесли свой вклад не только периодически приходившие к власти социал-демократы. На ее благо поработали, хотя и под другими идеологическими лозунгами, и либералы, и консерваторы, с приставкой – «нео» и без таковой.

Социальная рыночная экономика явилась отнюдь не идеологическим продуктом. Она органически выросла на пересечении двух факторов исторического развития капитализма:

- соревнования с возникшей системной альтернативой;
- возрастающей потребности в формировании все более массового спроса на продукты и услуги по мере технологического и интеллектуального прогресса.

Капитализм до последнего времени совершенствовал себя, прежде всего, экономически. Однако последний кризис резко перевел этот процесс в сугубо идеологическую плоскость. Генетика и селекция уступили место алхимии.

Кто-то вновь вспомнил о конвергенции. Вновь забродил по миру призрак «третьего пути». Так и не смогло человечество вырваться из пресловутой дихотомии. Однако, главным материалом рожденные кризисом политические алхимики и строители «капиталистической утопии» избрали уже не экономику и не идеологию, а мораль.

Чем страшна утопия?

Люди моего поколения хорошо помнят по вузовским обществоведческим курсам утопический социализм как один из трех источников марксизма. Имидж этого явления в нашем сознании был, по преимуществу, позитивным, проще сказать – добрым: прекрасная, но не осуществимая мечта. Сами социалисты-утописты представлялись нам умными, но очень наивными людьми, чудаковатыми философами, эдакими интеллектуальными несмышлениками. И, конечно же, мы знали о главном их пороке – неумении найти механизм претворения мечты в реальность.

Потом, уже в зрелые годы, мы узнали и поняли, что социальные утопии гораздо шире социализма и что они имеют свойство воплощаться в реальность, правда, не в своем позиционируемом облике, а в виде собственной противоположности. Последнее и составляет главную опасность социальных утопий. Исторических примеров масса. Глубоко гуманистическое в своей основе христианское учение оборачивается ужасами инквизиции, романтические мечты Бакунина претворяет в жизнь батька Махно, а учение одного из столпов утопического социализма Шарля Фурье бессознательно, но с завидной скрупулезностью реализует один из самых кровавых в человеческой истории режим Пол Пота в Камбодже.

И, тем не менее, прилагательное «утопический» естественно соединялось с существительным «социализм». Его сочетание с существительным «капитализм» звучало и звучит дико. Но лексика развивается вместе с жизнью, в том числе и жизнью политической. Многие сегодняшние, вызванные шоком глобального кризиса, политэкономические, философские и идеологические реакции мы беремся назвать именно утопическим капитализмом.

«Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации» - так писал Ленин об утопическом социализме. Однако, эти слова вполне воспроизводят портрет сегодняшнего «облагораживателя» капитализма. В построениях «капиталистов-утопистов» на входе – обоснованные размышления о системных изъянах современной рыночной экономики, но на выходе – пустое морализаторство.

В концентрированном виде учение о «новых основах» рыночных отношений может быть characterized как стремление низвергнуть «безудержную погоню за прибылью» с пьедестала «главного двигателя» экономического и технологического развития, заменив ее интересами более высокого порядка, лежащими в плоскости высших человеческих ценностей.

Кто бы спорил с привлекательностью этой идеи? С другой стороны, насколько она реализуема и, главное, как можно ее реализовать?

Отнюдь не идеализировавший современный ему капитализм Адам Смит писал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах». Рискну утверждать, что лучшего описания путей гармонизации предпринимательских и социальных интересов не дал пока никто.

Другое дело, что по мере развития капитализма шли два противоположных, но пересекающихся процесса. С одной стороны, обострение и усложнение конкуренции обуславливало поиск качественно новых конкурентных преимуществ. Именно в этом русле естественно возник, а не искусственно было создан социально-ответственный бизнес, социально-ориентированный и клиентоориентированный маркетинг. В качестве «изюминки» компании стали позиционировать не только свойства своих товаров и услуг, но и свою социально-значимую деятельность. Да и смена диктатуры продавца диктатурой покупателя, растущая массовость бизнеса радикально гуманизировали рыночные отношения. Однако, с другой стороны, бизнес, особенно крупный, попытался облегчить себе жизнь, создав сферу, в которой нет естественного взаимодействия продавца и покупателя, производителя и потребителя – сферу виртуальных финансовых спекуляций. Эта сфера по самой своей природе оказалась антисоциальной.

Возникла глобальная деформация экономических отношений, а глобальный кризис обнажил всю ее опасность. Государства совершенно естественно озаботились поиском законодательных и иных инструментов для лечения обнаружившейся болезни современного рынка. Но политическим и идеологическим фоном этих действий, а заодно и господствующим трендом экономической науки стал курс на «морализацию бизнеса» методами внеэкономического принуждения.

«Надо делиться!». Этот лозунг быстро перекочевал из лексикона криминальных «понятий» в научные труды и респектабельную публицистику. Причем, делиться надо не в той плоскости, где действуют такие хорошо известные инструменты, как налоговое регулирование, экономические стимулы благотворительности и социально значимой деятельности. Бизнес должен руководствоваться сугубо нравственными побуждениями.

Кто же обеспечит «нравственное воспитание» бизнеса, а точнее – его полную нравственную перекройку? Конечно же государство! На это прямо или косвенно, открыто или завуалировано, указывают все многочисленные теоретики и идеологи «морального капитализма».

За всеми высокопарными рассуждениями о создании общественной атмосферы для «нравственной экономики» кроется только одно: именно чиновник будет оценивать моральный облик предпринимателя и определять (скорее всего – в денежном выражении) сумму его морального вклада.

Казахстану, как и другим постсоветским государствам, очень хорошо знакома ситуация, когда успех конкуренции больше определяется отношениями с органами

власти, нежели реальными достижениями в производстве и продажах. Если будут реализованы «новейшие» концепции «моральной экономики», то ситуация еще более усугубится, и зависимость предпринимателя от благорасположения чиновника многократно возрастет.

Уже появились конкретные примеры «подстегивания» социальной ответственности предпринимателей без всякого учета их экономических возможностей. Проведенное недавно Центром бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований “BISAM Central Asia” исследование выявило распространенную практику вненормативного «доения» малого бизнеса на «социальные нужды» села, района, города. Осуществляют такие акты «облагораживания капитализма» конечно же местные чиновники. И это несмотря на то, что отечественному малому бизнесу не хватает средств на элементарное выживание.

Новое – хорошо забытое старое. А это «старое» бывает страшным.

Теория «морального капитализма» была наиболее полно реализована ни где-нибудь, а в нацистской Германии. В отличие от коммунистов, национал-социалисты не стали «экспроприировать экспроприаторов», не стали отнимать собственность у «национального капитала». Они объявили капиталистов видом государственных служащих, которые всегда (чаще всего, в конкретном материальном выражении) должны были быть готовы принести собственные выгоды в жертву интересам нации. Других иллюстраций относительно опасности концепций приоритета моральной детерминанты в экономике, думаю, уже не требуются.

С небес на землю

И так, можно констатировать, что и возведение очередного циклического кризиса мировой экономики до масштабов кризиса цивилизации, и поиск безупречного образца развития, и построение моделей с приоритетом или гипертрофированием внеэкономических регуляторов, являются подходами контрпродуктивными.

Перефразируя слова Уинстона Черчилля, сказанные о демократии, можно утверждать : «Капитализм – очень плохая система, состоящая из сплошных недостатков, но имеющая одно единственное достоинство – ничего лучшего человечество пока не изобрело».

Давайте избежим соблазна объявлять состоявшийся (или продолжающийся) кризис «высшей и последней стадией капитализма». Резервы рыночной экономики не исчерпаны и именно внутри системы, а не вне ее, тем более – не позади нее, надо искать средства лечения. К тому же диагноз, на наш взгляд, достаточно ясен. Это виртуальный нарост на теле реальной экономики.

Нынешний кризис совершенно справедливо характеризуется как кризис «мыльного пузыря». Однако, наряду с ярко высветившимся мыльным пузырем в финансово-кредитной системе, существует еще один, пока должным образом не замеченный пузырь – в бизнес-коммуникациях. У коммуникационного пузыря примерно та же природа, что и у его финансового собрата – отрыв от реальности, от материальности, от рациональности. Не в силах создать действительно уникальных торговых предложений, игроки рынка ринулись в сферу идеального. В маркетинговых и коммуникационных теориях возобладали концепции превосходства нематериальных факторов мотивирования потребителей над материальными. Маркетинг многих компаний сузился до брендинга. В свою очередь из определения и понимания бренда выхолащивалась всякая связь с реальными потребительскими свойствами товаров.

Конкуренция товаров превратилась в конкуренцию обещаний. И это было бы ничего, если бы обещания выступали как гарантии для потребителя. Но они все больше

приобретали форму, бесконечно далекую от особенностей и функций конкретного продукта. Красота рекламного слогана стала цениться выше, чем информативность и целенаправленность рекламы. На поиск оптимальных фирменных цветов уходило больше средств и времени, чем на совершенствование самого продукта. Результатом стало непомерное увеличение затрат на нематериальные активы, прежде всего на бренд в его виртуально-психологическом понимании.

Еще одним «рубцом виртуальности» на теле реальной экономики стал так называемый «менеджеризм». В 50-60е годы прошлого века теоретики «технотронной эры», «футурошока» и прочих ипостасей постиндустриального общества провозгласили «революцию менеджеров». Сутью лозунга выступил переход власти в капиталистической экономике от собственников к высококвалифицированным управленцам. Однако, теперь выясняется, что побежденной стороной в «революции менеджеров» стали отнюдь не собственники, а специалисты. Возник культ менеджера, способного руководить чем угодно, в каких угодно условиях.

Для постсоветских государств новшество опять же оказалось хорошо забытым старьем. В советские времена номенклатурный деятель также был всеяден: вчера он руководил банно-прачечным хозяйством, а завтра партия «бросала» его укреплять культуру в кресле директора театра.

Как бы то ни было, культ менеджера привел во всем мире, но в республиках бывшего СССР больше, чем где-либо, к уродливому социально-профессиональному дисбалансу. Труд тех, кто производит и конструирует, стал цениться намного ниже труда тех, кто управляет производством и продвигает товары. Девочка с только что «испеченным» дипломом PR-менеджера, не стесняясь, требовала зарплату, о которой не смел мечтать многоопытный инженер. Самым трагическим сигналом об опасности гипертрофированного менеджеризма стала авария на Саяно-Шушенской ГЭС.

Нет сомнения, что уроки кризиса дадут старт восстановлению роли специалистов, прежде всего – инженеров, в экономике.

Опухоль глобального кризиса еще не привела к необратимым метастазам. Ее вовремя начали оперировать, достаточно эффективными хирургами выступили государства. Но государственная скорая хирургическая помощь должна вовремя уступить место частной экономической терапии.

Сегодня снова в моде Маркс. К нему обращаются бывшие завзятые либералы и антикоммунисты. Они находят у него аргументы для критики капитализма. Однако, самый злободневный сюжет в учении марксизма – это концепция экономического базиса и политико-идеологической надстройки. Любые попытки менять эти уровни местами всегда приводили к плачевным результатам. Насилие над экономикой, хоть разрушением рынка, хоть чрезмерной государственной опекой, хоть огульным внедрением моральных приоритетов, приведет только к появлению уродливого и нежизнеспособного социального гибрида.

Резюме

В статье дается критика поспешных обобщений, мифов и утопий, возникших и получивших распространение в связи с глобальным экономическим кризисом. Автор убежден, что резервы совершенствования современной рыночной экономики надо искать внутри системы, а не вне ее.

Мазмұны

Леонид Гуревич мақаласында ауқымды экономикалық дағдарысқа байланысты пайда болып таралған утопизмге, мифтерге және асығыс жалпылауларға сын берілді. Автордың сенімділігі бойынша, қазіргі нарық экономиканың жетілдіру қорын жүйенің сыртынан емес, ішінен іздеу керек.

Resume

In this article Leonid Gurevich is giving criticism of hasty generalizations, myths and utopias which aroused and got it's widespread in connection with global financial crisis.

The author is convinced that working balances in the modern economics should be found not outside but inside the system.

Сведения об авторе

Гуревич Леонид Яковлевич, доктор исторических наук, профессор социологии, президент Центра бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia, профессор Международной академии бизнеса.